

Семейный ковчег Александра Сокурова

Сокуров один из самых востребованных за рубежом российских режиссеров. Достаточно сказать, что крупнейший кинофестиваль мира — Каннский — четыре последних года подряд показывал его ленты — «Молох», «Телец», «Русский ковчег», «Отец и сын», что само по себе беспрецедентно. Это интервью взяла у режиссера Мишель ЛЕВЬЕ, при непосредственном участии которой в Италии была организована огромная ретроспектива его творчества — около 40 игровых и документальных картин. Беседа происходила на «Ленфильме», где Сокуров начал работу над очередным фильмом.

— Как в «Русском ковчеге» решается вопрос отображения истории в кино?

— Для меня история сопоставима с деревом, в том смысле, что одно вырастает из другого. Может быть, это даже не дерево, а бесконечное количество пересекającychся линий, и мы не видим ни их начала, ни их конца. Очень трудно оценить историческое событие, совершающееся на наших глазах, и совершенно невозможно предвидеть, как оно завершится. Эта версия очень благоприятна для художественного творчества. Все есть. Никуда не ушло. Все можно увидеть. Если этого захотеть. И понять.

— Значит ли это, что кинематограф возмужал?

— Не уверен. Потому что весь период его развития характеризуется борьбой режиссеров за самоутверждение. Враждовать между собой — это поведение подростков, не знающих, как заявить о себе. Зрелость вроде бы должна наступить, но мы не знаем, чем будет заниматься кино в зрелом возрасте. Я опасаясь, что возобладает тенденция делать из него визуальный товар, которая подменит искусство.

Поиск остается, но усилия очень разрозненны. Это труд, для которого нужны каноны и строгая направленность. В условиях существующего хаоса поиски не могут дать большого результата. Кроме того, за каждым поиском в искусстве должна стоять крупная личность. Когда ищут все, то ничего не находят. Это как корабль с несколькими капитанами... У «Русского ковчег» один капитан, поскольку здесь я принимал участие и в замысле, и в режиссуре, в

сценарной работе и в диалогах. Таких случаев в современном кино немало, но недостаточно.

— А вам приходится с кем-нибудь бороться?

— Только с самим собой. На моей творческой территории у меня нет других противников. Когда на меня нападают, то уже поздно, так как фильм завершен. Но, конечно, для некоторой части кинематографистов появление «Русского ковчег» — плохой признак.

— Почему?

— Этот фильм указывает некий путь. Но чтобы по нему идти, нужно многое в себе изменить. Это заманчиво, но как? С одной стороны, кажется, что непрерывное внутреннее время — инструмент универсальный, но следующая моя картина будет монтажной, то есть разорванной во времени.

— Являются ли одной из главных проблем вашего кинематографа отношения со временем?

«Я хочу, чтобы отцы и сыновья обратили внимание друг на друга...»

— Я очень остро понимаю, что и время не есть база кинематографического искусства. А в кино должно быть что-то базовое, выделенное из его генотипа. Пока не удастся выделить этот генетический код. Все зыбко: и тотальное время, и тотальный монтаж, и тотальная зависимость от литературы. Все ускользает, ничто не держится. Фантастика. Это не внутренние враги, это гораздо больше.

— Вслед за лентой «Мать и сын» вы обратились к проблеме взаимоотношений между отцом и сыном. Такие обращения в кино, да и в культуре достаточно редки...

— Вообще-то отец и сын могут рассматриваться как модель жизни. Это как бы два зеркала, поставленные друг против друга. И в культуре это могло бы занимать очень большое место, но почему-то не занимает. Я рассматриваю отношение между отцом и сыном, между матерью и сыном как некое единство. У Бергмана есть великодушные фильмы, посвященные взаимоотношениям между родственниками, но они всегда болезненны. Меня же не интересуют войны между родными. Я никогда не стану делать фильм о том, как дочь воюет с матерью или как сын ненавидит отца, потому что это противоестественно. Тяжелые семейные

отношения — следствие какой-то более глубокой проблемы. Это, я бы сказал, следствие скрытой и обостренной любви.

— В «Отце и сыне» мать умерла, а у сына не складываются отношения с девушкой...

— Если мать жива, то даже на расстоянии она поддерживает сына, дает ему ощущение уверенности в жизни. Смерть или отсутствие матери — это страшный стресс. Надо его преодолевать. Эта пустая или опустевшая ячейка начинает оказывать влияние на всю жизнь человека, на все ситуации, в которые он попадает. В «Отце и сыне» мы видим, что мать слишком рано ушла из жизни, для нее еще хватило бы моральной и нравственной работы. Но то же самое произошло бы, если бы мать была жива, но не было бы отца. Рано ушедший из жизни человек — это человек, душа которого не успела выполнить свою моральную и нравственную миссию.

— Оба ваших героя, отец и сын, еще очень молоды. И оба военные. Для вас существенно и то, и другое?

— Первое — да, второе — нет. Мне было нужно, чтобы у них была относительно небольшая разница в возрасте, чтобы сблизить их интересы и понимание жизни. Что касается второго, то сын просто хочет быть похожим на

отца и по заданной им инерции идет в армию. Но армейский мундир — что-то вроде кожи, которую он, может быть, сбросит подобно змею. Поймет, что не в армии дело, и будет с иронией думать: «Неужели я хотел быть военным? Да что же это такое со мной было?». Во всех фильмах, которые я делаю, я рассматриваю героя в какой-то маленький момент его жизни, но этот маленький фрагмент в значительной степени определяет всю длинную жизнь человека.

— Ваш отец тоже был военным. Вы хотели пойти по его стопам?

— Хотел, но не очень продолжительное время, потому что он был человеком с очень жестким, тяжелым характером, и мне как раз не хватало того, что я придумал в фильме. Фильм этот — сказка, созданная для того, чтобы отцы и сыновья обратили внимание друг на друга, о добрых и теплых чувствах, которые они друг к другу питают.

— А в жизни они, отец и сын, не отдают себе отчет в этих чувствах или стесняются их проявить?

— И то, и другое. Но они не осознают, в какой степени понимают друг друга. Есть фундаментальный постулат: «Он тебя сделал, и ты должен его любить и его понимать». Важно понимать, что это

долженствование не унизи-тельно. Любить — не значит со всем соглашаться. Однако есть такие поступки, которые человек ни при каких обстоятельствах не должен совершать по отношению к родителям. Человек не так свободен, как ему кажется. Любить — одна из его обязанностей. Это очень трудно, но и очень интересно. Надо все время искать такие формы сосуществования с близкими родственниками, чтобы они отводили от конфликтной зоны. Надо или жить на расстоянии, или выбирать какую-то особую форму общения. Ведь дети не всегда похожи на своих родителей. Генетически — да, но по внутреннему строению ребенок может не иметь никакого отношения к своим отцу и матери. Он может быть ближе к прапрабабушке или прапрадедушке, или непонятно к каким другим предкам. В очень многих семьях живут абсолютно чужие люди. И там идут войны, потому что родители не понимают, что родственность их чисто формальная. Это игра природы. Если родители почувствовали, что у них родился совершенно другой человек, они должны особым образом выстраивать с ним отношения. Бывает, что ребенок вообще рождается без души, и только усилия матери или отца все-

ляют в него душу и создают духовную конструкцию человека. Но большинство родителей не замечают, что рядом живет чужой человек, и предъявляют к нему требования как к родственнику. А он просто не понимает, чего и почему от него хотят. Отец говорит сыну: «Ведь ты же мой сын, как ты можешь так поступать?», а сын не понимает, в чем же эта «сыновность», и что он должен.

— Ваши картины во многом внесловесны и внерациональны. Это потому, что интеллект трудно проникнуть в то, что происходит в чувственной, плотской сфере?

— В фильмах «Мать и сын» и «Отец и сын» отношения между людьми переданы так, как это бывает в живописи, в частности, у Рембрандта — через свет, тени, через рисунок поведения. Такой кинематограф нужно уметь смотреть. Помимо живописного принципа, мне близок принцип отношения к фильму как к симфонии. Огромное значение имеет тональность. В симфонии есть звуки комфортные, дискомфортные, некрасивые, тяжелые, разные, но в итоге все это выливается в гармонию и красоту. Я стремлюсь к тому же.

Перевод
Елены КАРПЕЛЬ

Сокуров Александр
17.02.2004